

Лев Гумилев: время Карлага

Труды известного российского ученого Льва Николаевича Гумилева сегодня хорошо известны в Казахстане. Его имя носит Евразийский университет в Астане. Но есть в жизни Гумилева страницы, которые мало знакомы даже почитателям таланта великого ученого. Речь идет о каторге, проведенной в Карлаге.

В начале девяностых годов карагандинский краевед Юрий Попов, ныне живущий в России, обнаружил в журнале «Литературная учеба» интервью с дважды доктором наук (географических и исторических) Львом Николаевичем Гумилевым. Материал сопровождали фотографии. Один из снимков особенно поразил Попова. Относительно молодой герой «позировал» фотографу. В руках он держал черную грифельную доску. На ней четко выделялась начертанная мелом надпись: «Гумилев Л.Н.». Текст под фотографией объяснял, что снимок сделан в Караганде, в лагере, в 1952 году.

Вот строки из интервью, где ученый рассказывает о годах репрессий:

«Четырнадцать лет просидел на каторге, так что я не кабинетный ученый, а каторжный. Некоторые ученые говорят, что работают, как каторжники. Нет, простите, это не каторжный труд, а вольный. Они приходят домой, пьют чай, ездят гулять, а я был за колючей проволокой. А как работал? Думать надо. А иногда мог и писать. Когда начал работу о восточных гуннах, решил, чтобы у меня не отняли рукопись, обратиться к начальству. И начальство сказал: «Подумаем!». А так как думать оно не умело, то спросило более высокое началь-

ство, и то сказал: «Гуннов - можно, стихи - нельзя!».

В архивах Караганды Юрию Попову дали справку: «Настоящей удостоверяется, что гражданин Гумилев Лев Николаевич, 1912 года рождения, уроженец г. Пушкина Ленинградской области, русский, образование высшее, историк, до ареста проживал в г. Ленинграде, действительно арестован 6 ноября 1949 года и осужден 13 сентября 1950 года Особым Совещанием при МГБ СССР по статьям 58-8, 58-10 часть 1, 58-11 УК РСФСР сроком на 10 лет. Мера наказания отбывал в Особом Песчаном лагере МВД СССР на территории Карагандинской области, куда прибыл из Лефортовской тюрьмы МГБ СССР. 3 сентября 1951 года убыл вместе с личным делом для дальнейшего отбывания наказания в Камышлаг Омской области. Основание: архивная карточка НР СО-795.».

В архивной карточке краевед Ю. Попов нашел два существенных дополнения. Л.Н. Гумилев 23 ноября 1950 года прибыл в третье отделение Карлага, а 13 декабря 1950 года переведен в десятое лаготделение.

Известный литературовед Эмма Герштейн переписывалась с Л.Н. Гумилевым весь срок его третьего заключения. По ее свидетель-

Былое

ству, ученый был арестован в октябре 1949 года. В сентябре 1950 года приговор был вынесен особым совещанием в Ленинграде. Срок - 10 лет строгого режима. Льва Николаевича отправили в Карагандинскую область. Восточки приходили из Чурубай-Нуринаского п/о в Карабасе. Вот одно из писем, присланное матери - А.А. Ахматовой:

«Милая мамочка! Подтверждаю получение посылки почт. N 227 и благодарю, только вперед вместо печенья посылай больше жиров и табаку: дешевле и лучше. Целую тебя». Записка датирована 19 июля 1951 года. В Москву пришла в августе, когда Гумилев еще был в Карлаге.

Нашелся человек, который был с Л.Н. Гумилевым в этот период за колючей проволокой гулаговской империи в п. Чурубай-Нура, что в 40 километрах к западу от Караганды. «Как-то один из моих соседей по нарам, придав своему лицу выражение значительности, прошептал в ухо сдавленным шепотом:

- А вон глянь на мужика на том конце стола! Это сын Гумилева и Анны Ахматовой!».

По воспоминаниям А. Савченко, автора вышеприведенных строк, Л.Н. Гумилев выглядел так: «Рост - средний. Комплекция - отнюдь не атлетическая. Пальцы - длинные, тонкие. Нос с горбинкой. Ходил сутулившись. Страдал дефектом речи, не произносил буквы «р»».

Как следует далее, Гумилев пользовался среди лагерного населения достойным авторитетом. В бараках у него были хорошие знакомые. Беседы и рассказы знатока переселения, слияния и взаимодействия народов о походах Чингисхана, китайских династиях, викингах, индейцах интересовали многих заключенных. Л.Н. Гумилев размышлял о причинах падения, расцвета и исчезновения этносов. Эти размышления вошли позже в его уникальнейшие книги «Этногенез и

биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая Степь». В капитальном исследовании «Древние тюрки» Лев Николаевич сообщает имена своих добровольных корреспондентов, знатоков ранней истории Востока. Среди них назван и казах Е.Д. Алшибай, личность которого, несомненно, требует изучения.

Мать Л.Н. Гумилева - Анна Ахматова не раз предпринимала попытки высвободить сына из неволи. Как вспоминает в своих трехтомных записках о великой поэтессе писательница Лидия Чуковская, зимой 1954 года Ахматова обратилась к известному архитектору Льву Рудневу с просьбой передать ее письмо К.Е. Ворошилову, которого он хорошо знал. Ответ из Генеральной прокуратуры пришел отрицательный.

О радостном дне возвращения Гумилева домой Лидия Чуковская пишет так: «15 мая 1956 года. Мне хочется написать большими буквами: ВЕРНУЛСЯ ЛЕВА. Анна Андреевна приехала 14-го. А 15-го, ничего не зная о ней, зашел к Ардовым, по дороге в Ленинград, освобожденный Лева. Любо видеть ее помолодевшее, расправившееся лицо, слышать ее новый голос. Мы вошли в маленькую комнату. Там клубы папиросного дыма.

- Накурил Левка! - сказала Анна Андреевна, рукой разгоняя дым, - сказала таким домашним, мило-вотчливым материнским голосом, что я почувствовала себя счастливой...».

Вдова ученого Наталия Викторовна Гумилева, к которой обратился в свое время Юрий Попов, прислала следующий ответ: «Для Вас выписываю текст из дневника Льва Николаевича. «...Караганда. Холод, голод, бандеровцы, власовцы, тяжелая работа. К счастью, устроился топографом, потом истопником, потом переписывал чего-

то... Друг - перс Рахим, бежавший от шаха. Учу персидский язык. Читаю в бараке лекции по истории. Привезли сына нашего ректора - Леву (Лев Николаевич Вознесенский продолжал с ним дружить после освобождения). Очень хороший парень. Этап в Сибирь - междуречье Томи и Усы».

«Расчистка снега, таскание бревен, - ну это я пишу, выбирая из записей. И еще: работаю на разных стройках кем попало. Подружился с Ханной - ирландским журналистом и востоковедом.

В заключение Наталия Викторовна отметила: «Лев Николаевич в свободные часы, минуты отработывал свою пассивную теорию, которую в 1974 году защитил как вторую докторскую. Первая докторская в 1961 году - «Древние тюрки». К сожалению, других подробностей я не знаю. Лев Николаевич старался не вспоминать плохое, рассказывал что-либо забавное, но из разных мест своего заключения. Очень напряженно работал после освобождения. Мы с ним никуда не ездили, кроме как летом в Москву, где у меня квартира у Кусковского парка, где он любил гулять и плавать в озере. В Москве он писал книги, читал лекции. Писать письма ему было некогда. Отвечал на присланные, если только они касались науки. Посмертно Лев Николаевич награжден многими грамотами, но от этого не узнал...».

К написанному остается добавить, что библиотечное объединение «Танаис» приступило к изданию произведений Л.Н. Гумилева в 15 томах. В предисловии к первому тому сказано, что «11 мая 1956 года Лев Николаевич вышел из своего последнего заключения в окрестностях Караганды. Его реабилитировали Указом тогдашнего Верховного Совета от 24 марта 1956 года». К сожалению, в предисловии вкралась досадная ошибка. В Карлаге Гумилев находился до 3-го сентября 1951 года. Далее он попал в Междуреченск Кемеровской области. А освободился Лев Николаевич из лагеря под Омском.

В. РЫЖКОВ